
БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАТЕГОРИЙ СОВХОЗНОГО СОЦИУМА РОССИИ В 1930–1950-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РСФСР)

А.И. Трофимова

Кафедра отечественной истории
Педагогический институт Вологодского государственного университета
ул. С. Орлова, 6, Вологда, Россия, 160035

В статье исследуется уровень благосостояния членов совхозного социума как представителей государственного уклада сельского хозяйства. Рассмотрены такие проблемы, как материальное обеспечение работников совхозов, имущественная дифференциация, воровство. Автор показывает, что изменение благосостояния работников совхозов России имело положительную тенденцию. Внутри совхозного сообщества наблюдалась известная дифференциация по уровню благосостояния, что в основном зависело от принадлежности работников к той или иной профессиональной категории. Благодаря высокому уровню социальной мобильности, обеспечиваемой рядом социальных лифтов (выдвиженчество, получение образования, в том числе за счет совхозов, вступление в партию, ударный труд), каждый имел действительную возможность достижения более высокого уровня материального положения.

Ключевые слова: совхозы, благосостояние, совхозная собственность, продовольственное снабжение, личное подсобное хозяйство.

Историческое исследование совхозов и проблемы эволюции совхозного социума – не самые востребованные в науке темы. Как правило, историков-аграрников в большей степени привлекали вопросы изучения колхозов и колхозников, а историков, изучающих рабочий класс – рабочих промышленности и добывающих отраслей. В начале 1930-х гг. на территории Советского Союза быстро строится развернутая сеть совхозов, где формировались новые в условиях деревни социальные слои, складывались иные отношения. Здесь стала складываться новая историческая общность людей, объединенных местом работы и местом проживания, бытом и социокультурным пространством.

Используемая нами социальная структура основана на выделении внутри совхозного социума пяти категорий, различающихся по таким критериям, как численность, социальное происхождение, уровень образования, правовое и экономическое положение, роль на производстве, стереотипы поведения высшего слоя руководителей (директора и начальники политотделов первого призыва (1933–1940), менеджеров (бригадиры, управляющие,

бухгалтеры, учетчики), интеллектуалов (специалистов), механизаторов (трактористы, комбайнеры, шоферы) и пролетариата (занятые на ручных и конно-ручных работах). Уровень благополучия каждой из категорий задавался ее экономическим положением и являлся определяющей характеристикой.

Высший слой совхозных руководителей обладал эталонным уровнем благополучия внутри социума совхозов, что во многом было обусловлено высоким уровнем заработной платы. В 1930-х гг. и первой половине 1940-х гг. директорам совхозов союзного и республиканского значения (каких было большинство на территории России) устанавливалась зарплата в размере от 700 до 1000 руб. в месяц в зависимости от объема производства (1). Зарплата директоров пригородных совхозов в этот период была в 1,5–2 раза меньше – 400–500 руб. в месяц (2).

В годы войны и послевоенный период заработная плата директоров основной части совхозов не возрастала, однако уровень оплаты директоров пригородных совхозов был подтянут до уровня совхозов республиканского значения, а потому повысился в 1,5–2 раза и составлял 700–800 руб. в месяц (3).

В 1954 г. оклады директоров возросли еще примерно в 1,5–2 раза (4). При этом ставка напрямую зависела от территориального размещения совхоза и уровня образования директора. Так, директор совхоза Европейского Севера России, имевший высшее образование, получал оклад 1500 руб., имевший среднее образование – 1350 руб., практик – 1050 руб. (в оленесовхозах соответственно 1600 руб., 1440 руб., 1100 руб.). Кроме того, устанавливалась надбавка за стаж от 7 до 20% в зависимости от продолжительности работы по специальности. Так, в 1958 г. зарплата руководителей оленесовхозов Европейского Севера РСФСР составляла 2000–2300 руб. в месяц, остальных животноводческих совхозов – 1500–1800 руб., пригородных – 1100–1700 руб.

Материальное положение руководителей совхозов существенно улучшилось в предвоенные годы в связи с распространением на них системы премирования. С 1940 г. устанавливалось, что «руководящие работники и специалисты совхозов получают премии за выполнение и перевыполнение хозяйством плана производства и сдачи продукции государству» (5). Директор получал премию в размере месячного оклада, а также за каждый процент перевыполнения плана ему выплачивалась дополнительная премия в размере 10% месячного оклада.

Начальникам политотделов устанавливалась ставка, равная окладу директора того же совхоза, но не ниже 400 руб. в месяц (6). Кроме того, им выплачивалась надбавка 10% за выслугу лет, выдавалось 915 руб. в год на содержание/найм жилья и обмундирование (7). Продовольственное снабжение, к которому были подключены и директора совхозов, обеспечивалось путем выдачи пайков по красноармейским нормам через сеть закрытых распределителей Россовхознаба (8). По ходатайству в случае необходимости выдавалось дополнительное пособие или курортная путевка (9).

С начала 1940-х гг. нормы продовольственного снабжения утверждались облисполкомами. Нормы продовольственного снабжения были несколько уменьшены по сравнению с 1930-ми гг., однако в условиях кризиса снабжения военного и послевоенного времени эти пайки значительно повышали уровень материального положения членов семей руководящих работников совхозов.

Экономическое положение директоров совхозов отличалось также тем, что они имели наибольший потенциал в распоряжении и пользовании совхозной собственностью. Уже в 1930-е гг. было зафиксировано множество эпизодов, когда директора по личному усмотрению распоряжались государственным имуществом и средствами. Так, капиталовложения переводились в оборотные средства и использовались незаконно, распродалось имущество совхозов, растрчивались и расхищались денежные средства. Имели место случаи, когда директора перераспределяли фонд заработной платы в свою пользу. Так, в 1933 г. директор Холмогорского совхоза Северного края присвоил значительную часть премий рабочих (10).

Отдаленность совхозов, находившихся в Заполярье, вела к полной бесконтрольности этих хозяйств и самоуправству директоров. Редкие (раз в несколько лет) ревизии обычно сопровождались выявлением целого букета махинаций и увольнением директора с отдачей его под суд. Так, в 1945 г. директор Нарьян-Марского совхоза Архангельской области Артемьев лично продавал сельхозпродукцию и присваивал деньги из кассы совхоза (11). Через два года по материалам ревизии этого совхоза за подобные же нарушения был отдан под суд следующий директор (12). Материалы ревизий за 1949, 1953 и 1957 г. всех оленесовхозов Архангельской области также свидетельствуют о многочисленных фактах использования директорами служебного положения в личных целях (13).

Итак, руководители совхозов отличались высоким уровнем благосостояния, всемерно поддерживаемым государством, что гарантировало им независимость от других категорий совхозного социума. Экономический статус первых лиц совхозного уклада проявлялся и в широких возможностях распоряжения и пользования государственной собственностью по сравнению с основной массой работников.

Высокий статус категории *менеджеров* обеспечивался их преимущественным по отношению к основной массе работников совхозов благосостоянием. Прежде всего совхозные управленцы поддерживались сравнительно высоким уровнем оплаты труда. Ставки заработной платы заместителей директоров и главных бухгалтеров, как правило, составляли 65–70% от ставки директора совхоза. В 1930-е гг. и первой половине 1940-х гг. этим категориям работников совхозов союзного и республиканского значения устанавливались оклады в размере от 500 до 700 руб. в зависимости от объема производства в хозяйстве (14). Оклад заместителей директоров и главных бухгалтеров пригородных совхозов был в 1,5–2 раза меньше – 300–450 руб. в месяц (15).

В 1954 г. оклады работников-управленцев возросли примерно в 1,5–2 раза (16). Ставка зависела от территориального размещения совхоза и уровня образования менеджера. Заместитель директора или главный бухгалтер, имеющий высшее образование, получал оклад 1050 руб., среднее – 950 руб., практик – 750 руб. (в заполярных совхозах соответственно: 1100 руб., 1000 руб., 750 руб.) Устанавливалась надбавка за стаж от 7 до 20% в зависимости от продолжительности работы по специальности. Так, в 1958 г. заместителям директоров и главным бухгалтерам оленесовхозов Европейского Севера РСФСР были установлены оклады 1600–1900 руб. в месяц, животноводческих совхозов – 1050–1250 руб., пригородных – 750–1200 руб.

Зарплата бригадиров и рядовых сотрудников счетно-бухгалтерского аппарата находилась на одном уровне. Так, бригадиры молочных совхозов Северного Края в 1933 г. зарабатывали в среднем 142 руб. в месяц, бухгалтеры – 156 руб. (17).

Однако если работники бухгалтерии получали фиксированный оклад, то бригадиры, труд которых оплачивался по системе косвенной сдельщины в зависимости от нагрузки, получали 130–150% от среднего заработка основного рабочего бригады. Чуть выше оплачивался труд управляющих северных совхозов: в 1933 г. их средняя зарплата составляла 184 руб. в месяц (18).

К началу 1940-х гг. зарплата менеджеров выросла примерно в 1,5 раза и составляла в среднем 251 руб. в месяц по совхозам Европейского Севера РСФСР (19). К концу 1940-х гг. оплата их труда составляла в среднем 431 руб. в месяц, в 1959 г. – 646 руб. (20). Отметим, что если в 1930-е гг. менеджеры получали только оклад, то с начала 1940-х гг. уровень оплаты варьировался от текущего состояния сельскохозяйственной кампании, выполнения плана производства и сдачи продукции. Размер премии для менеджеров определялся от одного до трех месячных окладов. Таким образом, с 1940-х гг. государство переходит к экономическим методам стимулирования труда руководящих работников сельхозпроизводства.

На особом положении находились руководители ударных бригад и передовых ферм. Уровень материального вознаграждения передовых менеджеров повышался в 2–3 раза за счет внушительных премий. Так, за 1950 г. животноводческие бригады Орловой и Бибиксарова совхоза «Молочное» Вологодского района Вологодской области были премированы на сумму 67 тыс. руб. (21).

Помимо денежного премирования, широко применялось поощрение вещами, как правило, самыми дефицитными. Чаще всего это были предметы гардероба: мануфактура, валенки, сапоги, ботинки, пиджаки, костюмы, платья, пальто и пр. (22). Орденосцев премировали предметами городского быта – зеркалами, венскими стульями, железными кроватями, проводили в квартиры радио (23).

Существенным подспорьем в материальном обеспечении и закреплении кадров менеджеров служили личные подсобные хозяйства (ЛПХ).

Согласно результатам обследования культурно-бытового положения работников совхозов Северного края в 1934 г. все бригадиры и управляющие отделениями и фермами, за исключением вновь прибывших, держали свои огороды и скот (24). Содержание ЛПХ возвращало управленцев к крестьянским корням, сближало с основной массой рабочих совхоза. Согласно этому же обследованию менеджеры-передовики, как правило, занимали лучшие дома и квартиры в совхозах, отремонтированные и электрифицированные. Менее обеспеченной была жизнь менеджеров в оленесовхозах. В 1950 г. начальник стада «Индигского» оленесовхоза Архангельской области на общем партсобрании проявлял недовольство снабжением заполярных совхозов. Он заявил: «Живем как собаки. Собаки у нас живут гораздо лучше» (25).

Благосостояние совхозных менеджеров подкреплялось возможностью распоряжения совхозной собственностью. Доступ к совхозному имуществу вкупе со значительными полномочиями и территориальной обособленностью подразделений совхозов создавали благоприятные условия для злоупотреблений со стороны менеджеров. Управляющие и бригадиры часто незаконно увеличивали свои доходы путем присвоения и (или) продажи продукции, кормов, инвентаря, что многократно подтверждается в политдонесениях, докладных записках с мест, материалах ревизий. В частности, в 1933 г. в совхозе «Коротыгино» Северного Края управляющие фермами совместно с бригадирами укрывали полученный урожай с полей и скрывали фактический выход молокопродукции с целью перепродажи (26).

Не были редкостью и такие преступные деяния, как обчеты рабочих и фальсификация данных, передаваемых в бухгалтерию (так называемое «очковтирательство»). Например, в 1938 г. бригадиры совхоза «Нефедово» Вологодской области Коничев и Вороничев обсчитывали доярок в надоях молока и представляли управляющему фермой ложные сведения о фактическом надое (27).

Таким образом, благосостояние совхозных менеджеров определялось сравнительно высоким уровнем оплаты труда, а также участием в непосредственном распределении средств совхоза. Менеджеры могли гарантировать себе сравнительно лучшие бытовые условия и относительно высокий уровень материального обеспечения.

Одной из наиболее обеспеченных считалась категория интеллектуалов. Труд интеллектуалов повышался в цене быстрее всех остальных занятых в совхозном производстве. Если в 1935 г. среднемесячная заработная плата специалистов совхозов Европейского Севера РСФСР составляла 333 руб. (в среднем по совхозам РСФСР – 348 руб.) (28), то в 1936 г. – 350 руб. (в среднем по совхозам РСФСР – 364 руб.), причем специалисты совхозов Коми АО зарабатывали 447 руб. в месяц (29). В 1940 г. уровень оплаты труда совхозных интеллектуалов Европейского Севера России составлял в среднем 610 руб. в месяц, в 1949 г. – 1038 руб., в 1959 – 1347 руб. (30). Зарплата специалистов в 3–4 раза превышала оплату труда рабочих и служащих,

в 6–9 раз – учеников и младшего обслуживающего персонала. Уровень оплаты труда ведущих специалистов соответствовал уровню оплаты труда заместителей директоров и главных бухгалтеров.

Благополучие интеллектуалов существенно дополнялось целым набором предоставляемых государством льгот и привилегий: бесплатно выделялись квартиры с бесплатным отоплением и освещением, предоставлялись в случае необходимости транспортные средства для служебных разъездов (31). После войны преимущества специалистов на благоустроенное жилье и бесплатность его использования, право на приусадебный участок, увеличенный до 0,25 га, и прочие блага вновь были подтверждены (32).

Интеллектуалы, в отличие от других категорий совхозного социума, не претендовали на распределение и пользование совхозной собственностью, однако настоятельно требовали причитающееся им по закону. Например, в совхозе «Молочное» Вологодской области в 1938 г. инженер Шестаков не приступал к работе до тех пор, пока ему не выделили отдельную квартиру (33).

Таким образом, высокий уровень благополучия совхозных интеллектуалов напрямую поддерживался государством. Это обстоятельство подчеркивало важность внедрения интеллектуального капитала в совхозное производство.

Благополучие механизаторов обуславливалось, прежде всего, уровнем оплаты их труда. Эволюция форм и размеров систем оплаты труда совхозных механизаторов (преимущественно зерносовхозов) была детально описана И.Е. Зелениным. Среднемесячная заработная плата тракториста совхоза примерно вдвое превышала зарплату обычных рабочих и составляла 233 руб. в 1937 г. и 287 руб. – в 1940 г., комбайнера – 298 руб. в 1937 г. и 361 руб. – в 1940 г., шофера – 275 руб. в 1937 г. и 326 – в 1940 г. (34).

С 1954 г. расценки по сравнению с ранее действовавшими за выполнение норм выработки за смену возросли примерно в 1,5–2 раза (35). Кроме заработной платы механизаторы получали существенную прибавку в виде премий за сохранение и хорошее использование техники, экономию горючего, получение сверхпланового урожая. К 1957 г. их среднемесячная зарплата по совхозам Европейского Севера колебалась в диапазоне 370–680 руб. в месяц в зависимости от должности, выполнения норм выработки, стажа, выполнения совхозом плановых обязательств (36).

В трудную пору выработки механизаторов увеличивались в 1,5–2 раза, что нередко приводило к недовольству со стороны менеджеров. Так, в 1939 г. комбайнер совхоза «Новое» Вологодской области Мосенков жаловался в Вологодский трест молочных совхозов, что более полугодя ему управляющий не выдает премию зерном за значительное перевыполнение сезонной нормы уборки на комбайне (37).

Механизаторы, закрепленные и ответственные за конкретные машины и механизмы, считали их «своими», чем зачастую злоупотребляли, по-своему реализуя право на обладание совхозной собственностью. Например, трактористы имели возможность воровать и продавать горюче-смазочные мате-

риалы, топливо, запчасти, а также халтурить на чужих полях и огородах, чему сохранилось немало свидетельств. Например, в совхозе «Сокол» Вологодской области в 1940 г. тракторист продал радиатор и пропил эти деньги (38).

Известный советский писатель и публицист А.А. Бахарев так описывает свойское отношение механизаторов к технике: «Прежде не очень-то следили за расходом горючего, использованием техники. Считалось, что водитель автомобиля и тракторист могут использовать закрепленную за ними технику как им угодно. Шофер мог поехать в райцентр или даже в область по своим надобностям, в разгар рабочего дня» (39). В личной беседе с Н.В. Работягиным, работником совхоза «Минькино» Вологодской области с 1945 по 1986 г., он отмечал, что «не считалось зазорным перевезти чей-то груз или кого-нибудь подкинуть по дороге», за что люди, конечно, благодарили (40).

Материальное положение механизаторов существенно дополнялось бесплатной выдачей им спецодежды, что в условиях ее дефицита являлось значительным подспорьем. Так, в соответствии с нормами снабжения, установленными для совхозов Архангельской области на 1938 г., трактористам полагалось выдавать на год телогрейку ватную, шаровары ватные, комбинезон хлопчатобумажный, плащ брезентовый, очки защитные, ботинки кожаные (для сравнения: дояркам полагались только ботинки и халат) (41).

Таким образом, совхозные механизаторы обладали более высоким по сравнению с основной массой совхозного пролетариата благосостоянием, завоеванным как законным, так порой и преступным путем. Совокупность преимуществ правового и материального статуса выделяли их в совхозном социуме.

Благосостояние совхозного пролетариата определялось степенью их участия в производстве и распределении общественного продукта. Степень вознаграждения за выполнение тяжелых, рутинных и простых операций значительно отличалась от степени вознаграждения за труд, связанный с управлением или использованием умственного труда. Как правило, зарплата постоянных рабочих была в 2 раза меньше, чем у менеджеров, и в 3 раза – чем у интеллектуалов (42).

Размер зарплаты определялся количеством и качеством затраченного труда по сдельной, сдельно-премиальной, повременной, повременно-премиальной или аккордной системе оплаты труда. Начисление производилось на основе принятых норм и расценок за производимые работы, которые распределялись по тарифным сеткам. На основе общесоюзных справочников тресты совхозов могли устанавливать собственные тарифные сетки. Например, в 1938 г. в Архангельский областной трест пригородных хозяйств разработал и установил свою тарификацию основных работ (43). Рабочие получали зарплату в денежной форме, однако в некоторых случаях для определенных категорий работников предусматривалась дополнительная натуральная оплата сельхозпродуктами, что часто практиковалось в оленесовхозах. Кроме того, довольно распространенным было натуральное премирование рабочих.

В 1933 г. зарплата рабочего в совхозах Европейского Севера РСФСР составляла 55 руб. (44), что было в 1,5 раза ниже российского показателя (45). После упорядочения системы оплаты труда, с введением сдельщины к 1936 г. зарплата пролетариата в северных совхозах уже соответствовала общероссийской и составляла 128 руб. в месяц (по РСФСР – 130 руб.) (46). В среднем по РСФСР показатель оплаты труда возрос в 1930-е гг. в 3–4 раза, в 1940-е гг. – в 1,5–2 раза, в 1950-е – в 2 раза. Оплата, начисляемая за одни и те же работы, сильно различалась по отдельным совхозам, особенно это ощущалось в совхозах разных систем. В семьях совхозных рабочих заработная плата на протяжении всего рассматриваемого периода являлась основным источником денежных доходов семьи, составляя 85% в 1929/30 хозяйственном году и 76% в 1958 г. (снижение было вызвано ростом социальных выплат) (47).

Наиболее сложным благополучие работников совхозов России было в самом начале 1930-х гг. Фактическое отсутствие жилого фонда в совхозах, низкая заработная плата в условиях несформировавшейся системы оплаты труда и отсутствия фиксации реального вклада труда каждого работника, неудовлетворительное состояние торговой сети, неналаженное снабжение, слабое развитие культурно-бытовых учреждений, запрет на использование приусадебных хозяйств – все это делало невыносимой жизнь рабочих в совхозах. Некоторые из них решались на отчаянные шаги. Так, в совхозе «Бушуиха» Северного края на вечере ударника, организованном 1 января 1933 г., культработник Михайлов выступил с частушками, оцененными впоследствии как контрреволюционные, например:

*В совхозе «Бушуиха»
Повышать удой велят,
А доярки с голодовки
Очень много жмых едят (48).*

По уровню оплаты труда совхозный пролетариат фактически разбивался на три группы. Во-первых, это ударники, стахановцы, передовики. За счет премий, начисляемых за повышенный выход продукции, их заработная плата примерно соответствовала зарплате бригадиров и звеньевых. Например, в 1958 г. размер премий в архангельских совхозах варьировался от 350 до 1400 руб. (49). Н.В. Работягин, прошедший трудовой путь от молотобойца до директора совхоза, вспоминал: «Доярки, отличающиеся высокими трудовыми показателями, зачастую зарабатывали больше директора. Никто этому не удивлялся, система расчетов была простая и все знали, кто и за что получает» (50).

Ударники составляли значительную часть рабочих: так, в 1934 г. они составляли более четверти всех рабочих совхозов Северного края (51). В 1940 г. в совхозе «Комсомолец» Вологодской области 98% рабочих цеха полеводства являлись стахановцами (52). Ударникам предоставлялось лучшее жилье

из фонда, предназначенного для рабочих, усиленное общественное питание (обед передовиков традиционно состоял из трех блюд, а не двух, как для остальных, а стоил столько же), подарки и премии от политотдела/парторганизации, путевки в дома отдыха и санатории и пр.

Ко второму эшелону принадлежали работники, не проявлявшие особого рвения к высоким производственным результатам. И это была основная масса рабочих. К третьему эшелону принадлежали ученики, сезонные и временные рабочие, которые оплачивались по самым низким ставкам и тарифам (разница составляла 2–3 раза).

В 1933 г. государство предоставило постоянным работникам совхозов право на ведение ЛПХ, что в определенной мере было вынужденным шагом назад в деле пролетаризации деревни. С 1933 г. по 1940 г. размер предоставляемого участка ограничивался 0,25 га, с 1940 г. по 1947 г. – 0,15 га, с 1947 г. по 1963 г. – от 0,30 до 0,50 га в зависимости от географического положения (53). С 1938 г. было разрешено иметь в личном пользовании скот (54), который приобретался непосредственно в совхозе, как правило, в рассрочку или в кредит (55).

ЛПХ работников, за исключением специалистов, облагались обязательными поставками сельхозпродуктов. В частности, в 1939–1940 гг. семья рабочего вологодского совхоза в среднем в счет госпоставок отдавала 270 л молока и 36 кг мяса в год (56). Важной чертой ЛПХ было их сращивание с совхозным хозяйством, поскольку участки обрабатывались преимущественно совхозной тягловой силой (лошадьми или тракторами), корма для скота заготавливались на совхозных угодьях (или воровались в совхозных закромах).

На практике хозяйства работников часто превышали допустимые размеры. Так, в 1939 г. в совхозах Вологодской области производился массовый обмер и урезка приусадебных участков. Было выявлено, что значительное количество хозяйств занимают площади по 0,50–0,60 га и имеют по 9–10 голов скота, что в несколько раз превышало допустимые нормы (57). Администрация совхозов смотрела на подобные явления сквозь пальцы и производила урезку лишь по прямому указанию вышестоящих инстанций.

По-иному складывалась обстановка в оленесовхозах, так как никаких пределов на личное владение оленями не было установлено. Так, из докладной записки начальнику Управления пригородных хозяйств Архангельской области от 1944 г. следует: «Одни рабочие-пастухи имеют по 7 голов, другие – по 30, некоторые – по 200 и больше» (58). Поскольку для коренных народностей коми и ненцев, которыми поголовно являлись рабочие оленесовхозов, количество собственных оленей выступало главным мерилем уровня благосостояния, то это свидетельствовало о значительной статусной и имущественной дифференциации работников оленесовхозов.

ЛПХ имело важнейшее значение для благосостояния рабочих. В 1937 г. 77% рабочих северных совхозов имели огороды и скот (59). Бюджетное обследование 1957–1958 гг. в семьях рабочих совхозов РСФСР показало, что

90% потребляемого картофеля, 41% овощей, 82% мяса, 91% молока, 94% яиц было получено именно из своего хозяйства (60). Таким образом, расходы рабочих на питание семьи почти полностью покрывались поступлениями с ЛПХ. Только четверть денежных доходов семьи тратилась на покупку продовольствия, тогда как в 1929/1930 хозяйственном году эти расходы составляли половину бюджета (61).

С момента разрешения выделения участков в личное пользование работникам в совхозах началось индивидуальное жилищное строительство. К 1937 г. 34% населения совхозов Европейского Севера России проживало в собственных домах (62). В широких масштабах частное строительство развернулось только в послевоенный период.

Согласно данным единовременного выборочного обследования, в 1961 г. 64% семей рабочих совхозов Вологодской области проживало в собственных домах (63). Только в оленесовхозах все рабочие были обладателями индивидуального жилья – чумов. Не имевшие собственных домов расселялись в жилом фонде совхозов, состоящем в тот период, как правило, из бывших крестьянских домов, переоборудованных в общежития, и бараков.

Совхозный пролетариат зарабатывал гораздо меньше, нежели представители иных категорий совхозного социума. Данное обстоятельство слабо увязывалось в умах рабочих с декларируемым принципом «кто не работает, тот не ест». В начале 1930-х гг., на этапе массового строительства совхозов, когда на их обустройство шли огромные капиталовложения, а учет и отчетность были не налажены, это стало основой повального разворовывания имущества и продукции. Так, в совхозе «Возрождение» Северного края в 1932 г. в начале года было закуплено сельхозинвентаря на 29 тыс. руб., а в конце года, по результатам инвентаризации, было выявлено того же инвентаря на 5 руб. (64). Донесения с мест, акты обследований и ревизий насыщены фактами «полной бесхозяйственности», «рвачества», «вредительства».

С середины 1930-х гг. положение меняется: с вычищением из совхозов лишенцев и преступников, закреплением постоянного штата и активной деятельности политотделов волна воровства в совхозах была остановлена. Воровать совсем, конечно, не перестали, однако делали это осторожнее и куда в меньших масштабах. Например, красть урожай с полей и огородов посылали детей как в 1930-х, так и в 1950-х гг. (65).

Благополучие рабочих совхозов уже с середины 1930-х гг. было значительно лучше, чем у колхозного пролетариата. В.Л. Кужман, руководивший в 1950-х гг. сельским хозяйством нескольких районов Вологодской области, вспоминал: «Колхозники сильно отличались от рабочих совхозов. Рабочие получали в 5–6 раз и больше, чем колхозники. Кроме того, они могли пользоваться клубом, садиком, школой, медпунктами, в большинстве колхозов этого не было» (66).

Итак, благополучие работников совхозов России заметно изменилось за период 1930–1950-х гг. Если в начале 1930-х гг. совхозы становились

прибежищем тех, кому было некуда больше податься – окончательно разорившихся крестьян, «лишенцев», «бывших» по причине крайне тяжелого материального положения, то в 1950-е гг. совхозы представляли собой очаги городской культуры и городского образа жизни в деревне, демонстрировали относительно высокий уровень благосостояния членов совхозного социума. Внутри совхозного сообщества наблюдалась известная дифференциация по уровню благосостояния, что в основном зависело от принадлежности работников к той или иной категории. Между тем, благодаря высокому уровню социальной мобильности в совхозах, обеспечиваемой рядом социальных лифтов (выдвиженчество, получение образования, в том числе за счет совхозов, вступление в партию, ударный труд), каждый имел реальную возможность достижения более высокого уровня материального положения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. – А-317. – Оп. 4. – Д. 160. – Л. 215–216; Д. 161. – Л. 138.
- (2) Отдел документов социально-политической истории государственного архива Архангельской области (ОДСПИ ГААО). – Ф. 290. – Оп.1. – Д. 1350. – Л. 93 об.
- (3) Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. – 2059. – Оп. 3. – Д. 107. – Л. 151.
- (4) Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 6 марта 1951 г. «О заработной плате работников совхозов». – URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/150/postanovlenie-sovmina-sssr-ck-kpss-ot-06-03-1951--373.pdf>.
- (5) Собрание распоряжений и постановлений Правительства СССР (СП СССР). – 1940. – № 6. – Ст. 171.
- (6) Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 23. – Оп. 2. – Д. 39. – Л. 15.
- (7) Там же. – Л. 12, 13, 15 об.
- (8) Там же. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 10.
- (9) Там же. – Д. 51. – Л. 11.
- (10) ОДСПИ ГААО. – Ф.1828. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 4.
- (11) ГААО. – Ф. 1892. – Оп. 9. – Д. 40. – Л. 34 об.
- (12) Там же. – Ф. 2059. – Оп. 2. – Д. 35. – Л. 15(13) Там же. – Оп. 3. – Д. 149. – Л. 86; Д. 202. – Л. 286.
- (14) ГАРФ. – Ф. А317. – Оп. 4. – Д. 160. – Л. 215–216; Д. 161. – Л. 138.
- (15) ОДСПИ ГААО. – Ф. 290. – Оп.1. – Д. 1350. – Л. 93 об.
- (16) Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 6 марта 1951 г. «О заработной плате работников совхозов». – URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/150/postanovlenie-sovmina-sssr-ck-kpss-ot-06-03-1951--373.pdf>.
- (17) ОДСПИ ГААО. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1554. – Л. 58.
- (18) Там же. – Л. 59.
- (19) ГААО. – Ф. 1892. – Оп. 9. – Д. 98. – Л. 35, 129.
- (20) Там же. – Оп. 20. – Д. 33. – Л. 89; Государственный архив Вологодской области (ГАВО) – Ф. 1823. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 52.
- (21) Красный север. – 1950. – 16 апреля.

- (22) ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1554. – Л. 59–80.
- (23) Там же. – Ф. 1828. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 7; Ф. 1829. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 61.
- (24) Там же. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1554. – Л. 59–80.
- (25) Там же. – Ф. 2971. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 29.
- (26) Там же. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1555. – Л. 42–43.
- (27) ВОАНПИ. – Ф. 612. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 1.
- (28) Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 79. – Д. 101. – Л. 9 об.–10.
- (29) Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. – М., 1936. – С. 48–49.
- (30) ГААО. – Ф. 1892. Оп. 9. Д. 98. Л. 35, 129; ГАРФ. Ф. А310. Оп. 1. Д. 7020. Л. 25.
- (31) Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). – 1930. – № 39. – Ст. 431.
- (32) СП СССР. – 1945. – № 10. – Ст. 132.
- (33) ВОАНПИ. – Ф. 1921. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 43.
- (34) *Зеленин И.Е.* Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928–1941 гг. – М., 1982. – С. 121–132.
- (35) Постановление СМ СССР и ЦК КПСС от 6 марта 1951 г. «О заработной плате работников совхозов».
- (36) ГААО. – Ф. 3474. – Оп. 1. – Д. 2057. – Л. 13–15; ВОАНПИ. – Ф. 7852. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 33.
- (37) ГАВО. – Ф. 1823. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 38.
- (38) ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 2. – Д. 326. – Л. 25–26.
- (39) Бахарев А.А. Человек прячет глаза. – Ростов-на-Дону, 1974. – С. 124.
- (40) Воспоминания Н.В. Работягина, 1929 г. р., пос. Минькино Грязовецкого р-на Вологодской обл. – Личный архив автора.
- (41) ГААО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 108.
- (42) Труд в СССР. (Стат. справочник) (1936 г.). – М., 1936. – С. 270; ГААО. – Ф. 1892. – Оп. 20. – Д. 33. – Л. 89.
- (43) ГААО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 80–106.
- (44) ОДСПИ ГААО. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1554. – Л. 17.
- (45) Труд в СССР. (Статистический справочник) (1936 г.). – М., 1936.
- (46) Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР. – М., 1936. – С. 46–48.
- (47) Труд в СССР. (1932 г.). – М.–Л., 1932. – С. 165–166; Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР (1958 г.). – М.: ЦСУ при СМ РСФСР, 1959. – С. 18–19.
- (48) ВОАНПИ. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1.
- (49) ГААО. – Ф. 3474. – Оп. 11а. – Д. 105. – Л. 8.
- (50) Воспоминания Н.В. Работягина.
- (51) Хозяйство и культура в цифрах. Между II и III Краевыми съездами // Хозяйство Севера. – 1934. – № 9. – С. 67.
- (52) ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 2. – Д. 452. – Л. 105.
- (53) Коваленко Е.И. Землепользование совхозных рабочих, служащих и специалистов // Пермский университет. Ученые записки. Т. 327. – Пермь, 1976. – С. 168–177.
- (54) СП СССР. – 1938. – № 45. – Ст. 268.
- (55) ОДСПИ ГААО. – Ф. 290. – Оп. 2. – Д. 1424. – Л. 78 об.
- (56) ВОАНПИ. – Ф. 2522. – Оп. 2. – Д. 178. – Л. 25.
- (57) Там же.
- (58) ГААО. – Ф. 2059. – Оп. 3. – Д. 107. – Л. 63.
- (59) ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1167. – Л. 4–34.

- (60) Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР. – С. 88–129.
- (61) Труд в СССР. (1932 г.). – С. 28.
- (62) ОДСПИ ГААО. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 1167. – Л. 4–34.
- (63) ГАВО. – Ф. 1703. – Оп. 18. – Д. 1197. – Л. 11–160.
- (64) ОДСПИ ГААО. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1293. – Л. 5.
- (65) Там же. – Д. 1555. – Л. 63; Ф. 1828. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 4.
- (66) Воспоминания В.Л. Кужмана, 1930 г.р., г. Вологда. – Личный архив автора.

REFERENCES

- (1) State Archive of the Russian Federation (*GARF*), f. A317. op. 4. d. 160. ll. 215–216; d. 161, l. 138.
- (2) Department of documents of socio-political history of the state archive of the Arkhangelsk region (ODSPI GAAO), f. 290, op.1, d. 1350, l. 93 ob.
- (3) State archive of the Arkhangelsk region (*GAAO*), f. 2059, op. 3, d. 107, l. 151.
- (4) *Postanovlenie SM SSSR i TsK KPSS ot 6 marta 1951 g. «O zarabotnoy plate rabotnikov sovkhov i konnykh zavodov»* [The resolution CM USSR and Central Committee CPSU of March 6, 1951 «About a salary of employees of state farms and horse-breeding centers»], available at: <http://www.alppp.ru>
- (5) *Sobranie rasporyazheniy i postanovleniy Pravitel'stva SSSR* [Collection of orders and resolutions of the government of the USSR], 1940, issue 6, art. 171.
- (6) Vologda Regional Archive of the Contemporary Political History (VOANPI), f. 23, op. 2, d. 39, l. 15.
- (7) *Ibid.*, l. 12, 13, 15°ob.
- (8) *Ibid.*, op. 1, d. 23, l. 10.
- (9) *Ibid.*, d. 51, l. 11.
- (10) ODSPI GAAO, f. 1828, op. 1, d. 11, l. 4.
- (11) GAAO, f. 1892, op. 9, d. 40, l. 34 ob.
- (12) *Ibid.*, f. 2059, op. 2, d. 35, l. 15. (13) *Ibid.*, op. 3, d. 149, l. 86; d. 202, l. 286.
- (14) GARF, f. A317, op. 4, d. 160, l. 215–216; d. 161, l. 138
- (15) ODSPI GAAO, f. 290, op. 1, d. 1350, l. 93 ob.
- (16) *Postanovlenie SM SSSR i TsK KPSS ot 6 marta 1951 g. “O zarabotnoy plate rabotnikov sovkhov i konnykh zavodov”* [The resolution CM USSR and Central Committee CPSU of March 6, 1951. “About a salary of employees of state farms and horse-breeding centers”].
- (17) ODSPI GAAO, f. 290, op. 1, d. 1554, l. 58.
- (18) *Ibid.*, l. 59.
- (19) GAAO, f. 1892, op. 9, d. 98, l. 35.
- (20) *Ibid.*, op. 20, d. 33, l. 89; State Archive of the Vologda Region (GAVO), f. 1823, op. 1, d. 93, l. 52.
- (21) *Krasnyy sever – Red North*, 1950, April 16.
- (22) ODSPI GAAO, f. 296, op. 1, d. 1554, ll. 59–80.
- (23) *Ibid.*, f. 1828, op. 1, d. 26, l. 7; f. 1829, op. 1, d. 9, l. 61.
- (24) *Ibid.*, f. 296, op. 1, d. 1554, ll. 59–80.
- (25) *Ibid.*, f. 2971, op. 1, d. 7, l. 29.
- (26) *Ibid.*, f. 290, op. 1, d. 1555, ll. 42–43.
- (27) VOANPI, f. 612, op. 1, d. 32, l. 32.
- (28) Russian State Archive of Economy (RGAE), f. 1562, op. 79, d. 101, ll. 9 ob.–10.

- (29) *Chislennost' i zarabotnaya plata rabochikh i sluzhashchikh v SSSR* [The number and salary of workers and serving in the USSR]. Moscow, 1936, pp. 48–49.
- (30) GAAO, f. 1892, op. 9, d. 98, l. 35; GARF, f. A-310, op. 1, d. 7020, l. 25.
- (31) *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR* [Collection of legalizations and orders of the Working and Country government of RSFSR], 1930, issue 39, art. 431.
- (32) *Sobranie rasporyazheniy i postanovleniy Pravitel'stva SSSR*, 1945, issue 10, art. 132.
- (33) VOANPI, f. 1921, op. 1, d. 30, l. 43.
- (34) Zelenin I E *Sovkhozy SSSR v gody dovoennykh pyatiletok. 1928–1941 gg.* [State farms of the USSR in days of pre-war five-years periods]. Moscow, 1936, pp. 121–132.
- (35) *Postanovlenie SM SSSR i TsK KPSS ot 6 marta 1951 g. "O zarabotnoy plate rabotnikov sovkhov i konnykh zavodov"* [The resolution CM USSR and Central Committee CPSU of March 6, 1951 "About a salary of employees of state farms and horse-breeding centers"].
- (36) GAAO, f. 3474, op. 1, d. 2057, l. 13; VOANPI, f. 7852, op. 1, d. 46, l. 33.
- (37) GAVO, f. 1823, op. 1, d. 3, l. 38.
- (38) VOANPI, f. 2522, op. 2, d. 326, ll. 25–26.
- (39) Bakharev A A *Chelovek pryachet glaza* [The person hides eyes]. Rostov-na-Donu, 1974, p. 124.
- (40) *Lichnyy arkhiv avtora* [Personal archive of the author].
- (41) GAAO, f. 2059, op. 1, d. 26, l. 108.
- (42) *Trud v SSSR (Stat. spravochnik)* [Work in the USSR (Statistical reference book)], Moscow, 1936, p. 270; GAAO, f. 1892, op. 20, d. 33, l. 89.
- (43) GAAO, f. 2059, op. 1, d. 26, ll. 80–106.
- (44) ODSPI GAAO, f. 290, op. 1, d. 1554, l. 17.
- (45) *Trud v SSSR (1936 g.)*, p. 272.
- (46) *Chislennost' i zarabotnaya plata rabochikh i sluzhashchikh v SSSR*, pp. 46–48.
- (47) *Trud v SSSR (Stat. spravochnik) (1932 g.)* [Work in the USSR. (Statistical reference book)], Moscow – Leningrad, 1932, pp. 165–166; *Byudzhety rabochikh, sluzhashchikh i kolkhoznikov RSFSR (1958)* [Budgets of workers, employees and collective farmers of RSFSR], Moscow, 1959, pp. 18–19.
- (48) VOANPI, f. 22, op. 1, d. 16, l. 1.
- (49) GAAO, f. 3474, op. 11a, d. 105, l. 8.
- (50) *Lichnyy arkhiv avtora* [Personal archive of the author].
- (51) *Khozyaystvo i kul'tura v tsifrakh. Mezhdru II i III Kraevymi s"ezdami, Khozyaystvo Severa* [North Economy], 1934, no. 9, p. 67.
- (52) VOANPI, f. 2522, op. 2, d. 452, l. 105.
- (53) Kovalenko E I *Permskiy universitet. Uchenye zapiski – Perm university. Scientific notes*, 1976, book 327, vol. 327, pp. 168–177.
- (54) *Sobranie rasporyazheniy i postanovleniy Pravitel'stva SSSR*, 1938, issue 45, art. 268.
- (55) ODSPI GAAO, f. 290, op. 2, d. 1424, l. 78 ob.
- (56) VOANPI, f. 2522, op. 2, d. 178, l. 25.
- (57) Ibid.
- (58) GAAO, f. 2059, op. 3, d. 107, l. 63.
- (59) ODSPI GAAO, f. 296, op. 1, d. 11167, ll. 4–34.
- (60) *Byudzhety rabochikh, sluzhashchikh i kolkhoznikov RSFSR (1958)*, pp. 88–129.
- (61) *Trud v SSSR. (1932 g.)*, p. 28.
- (62) ODSPI GAAO, f. 296, op. 1, d. 1167, ll. 4–34.

- (63) GAVO, f. 1703, op. 18, d. 1197, l. 11.
(64) ODSPI GAAO, f. 290, op. 1, d. 1293, l. 5.
(65) Ibid., d. 1555, l. 63; f. 1828, op. 1, d. 34, l. 4.
(66) *Lichnyy arkhiv avtora* [Personal archive of the author].

**WELFARE OF CATEGORIES
OF RUSSIAN STATE-FARM SOCIETY IN 1930–1950S
(ON MATERIALS OF EUROPEAN NORTH OF RSFSR)**

A.I. Trofimova

Department of Russian History
Pedagogical Institute of Vologda State University
S. Orlova Str., 6, Vologda, Russia, 160035

This article deals with the welfare of members of the Russian state-farm society as representatives of the state system of agriculture. There are considered such problems as material support of employees of state farms, property differentiation, theft. The author shows that during that period the welfare of employees of Russian state farms considerably changed for the better. In the early 1930s employees of state farms had great financial problems, whereas in the 1950s state farms showed rather high welfare of members of the state-farm society. In the state-farm community there was differentiation on welfare which generally depended on belonging of workers to this or that professional category. Thanks to high level of the social mobility provided with social promotion (education, also at the expense of state farms, party joining, hard work), everyone had a real possibility of achievement of higher financial level.

Key words: state farms, welfare, state-farm property, food supplies, personal subsidiary farm.